

Материальное положение грузинской армии перед войной с большевистской Россией 1921 г.

Дмитрий Силакадзе

После имевшей место в феврале-марте 1921 г. вооруженной агрессии большевистской России против Грузинской Демократической Республики и последующей за этим оккупацией Грузии прошел почти век и сегодня на многие вопросы и детали военного характера надо дать ответы, с целью составить максимально точный и объективный анализ войны. В этом процессе большое значение придается знанию того, в каком положении находились вооруженные силы противостоящих сторон к началу боевых действий. На основе до сих пор неизвестных документов, найденных в фондах Центрального исторического архива Грузии и Архиве Министерства внутренних дел, на основе некоторых мемуаров и материалов прессы, постараемся точно восстановить и проанализировать в каком материальном положении встретили военную интервенцию красной России вооруженные силы первой Грузинской Республики.

Прежде чем непосредственно коснуться проблемы материального обеспечения вооруженных сил, для лучшего понимания вопроса необходимо взглянуть на экономическую ситуацию в Грузии. Не будет преувеличением сказать, что правительство Грузинской Демократической Республики получило тяжелое наследство. Первая мировая война и последовавший за ней революционный хаос привел в беспорядок хозяйство страны, выросли цены, рухнула промышленность, и без того слабо развитая в Грузии, – периферийной части Российской империи. В условиях начавшейся гражданской войны нарушились экономические связи как с регионами бывшей Российской империи, существующие до большевистского октябрьского переворота, так и с соседними государствами. Потеря рынков сбыта стала причиной сокращения добычи и продажи полезных ископаемых (в частности, марганца и угля). Ко всему прочему, свое влияние на экономику грузинского государства оказывали политические процессы и экономические трудности, существующие в соседних государствах Кавказа, – с точки зрения распределения природных ресурсов, – полностью взаимосвязанного региона. После взятия большевиками Баку в конце апреля 1920 г. Грузия практически перестала получать нефть из Азербайджана. Сначала из-за деникинской, а затем и большевистской бло-

кады, в Грузию не поступало зерно с Кубани (своего хлеба Грузии не хватало). На грузинскую экономику тяжелым грузом легли затраты по ликвидации государственных и частных учреждений бывшей империи. Несмотря на проведение ряда важных экономических реформ, нахождение на практически постоянном военном положении и пребывание армии в нескончаемом мобилизационно-демобилизационном процессе не давало стране возможности сделать хотя бы небольшую передышку.

По этим причинам перед началом большевистского вторжения в страну, армия Грузии находилась в тяжелом материальном положении. Из финансовых соображений были изменены штаты 1918 г., и в 1919 г. личный состав был сокращен почти в три раза. Распоряжение финансами регулярной армии и гвардии было поручено военному совету, который подчинялся хозяйственному отделу, во главе которого стоял социал-демократ Калистрат Гогуа. В отдел входили следующие секторы: 1) бюджетный, 2) продуктовый, 3) багажно-вещевой, 4) технический, 5) артиллерийский, 6) санитарный, 7) ветеринарный, и 8) канцелярский.¹ Этим секторам было поручено снабжать армию, поставлять продукты, ремонтировать казармы, поставлять военную форму, артиллерийские материалы, оборудовать заводы и склады. Перед началом войны грузинская армия испытывала недостаток во всём, чем должен был её снабжать и обеспечивать хозяйственный отдел.

В комиссии учредительного собрания, в ноябре 1920 г. перед запланированной мобилизацией, командир народной гвардии Валико Джугели ставил вопрос: «Тогда, когда у нас нет одежды для двух батальонов, в случае начала мобилизации, как намерены вы одеть пятнадцать - двадцать тысяч солдат?»² Начальник хозяйственного отдела К. Гогуа отвечал, что на складах нет хлеба, а обуви было всего 12 000 пар. Министерство снабжения купило 14 000 пар, остальное закупили на местах непосредственно командиры конкретных воинских частей. В свою очередь, представитель министерства снабжения добавлял, что и на их складах нет хлеба, и будущая перспектива не была обнадеживающей.³ О нехватке продуктов и одежды писал начальнику Генштаба генералу Александру Захариадзе в январе 1921 г. и командующий третьей бригады генерал Варден Цулукидзе. Ему приходилось каждый день искать мясо и хлеб для частей армии, например, двенадцатый батальон в течение трех дней не получал хлеба, частям своевременно не поставлялись дрова, продукты и одежда, в результате чего солдаты бежали из частей.⁴ Правда, ежедневный рацион грузинской армии на бумаге выглядел

1 Центральный исторический архив Грузии (далее - ЦИАГ). Ф. 1833. О. 1. Д. 327. Л. 43.

2 ЦИАГ. Ф. 1836. О. 1. Д. 193. Л. 130.

3 ЦИАГ. Ф. 1836. О. 1. Д. 193. Л. 130.

4 ЦИАГ. Ф. 1836. О. 1. Д. 193. Л. 271.

нормально, но реальность была совсем другой. Этот факт зафиксирован как в архивных документах, так и в воспоминаниях солдат. Официально с 1 октября по 1 декабря 1920 г. дневное меню солдата и народного гвардейца было определено следующим образом: Мясо – ½ фунта,⁵ соль – 8 золотников (дюймов),⁶ жир – 8 золотников, фасоль – 24 золотника, чай – 1/2 золотника, перец – 1/6 золотника и 2 фунта хлеба.⁷ В январе-марте того же года в перечне меню, которое являлось точно таким же, было конкретно отмечено, чем можно было заменить солдату 1 фунт мяса. В частности, согласно упомянутому документу, 1 фунт мяса можно было заменить 1 фунтом свежей или копченой рыбы, соленым салом или окороком, 2 фунтами селёдки, копченой рыбой или копченым мясом, полуфунтом сыра, 3 бутылками коровьего молока, 4 яйцами или 72 золотниками творога, а стоящим на передовой частям давались мясные и рыбные консервы.⁸

В действительности солдаты питались намного хуже, чем это было определено. Например, командир четвертого батальона полковник Чиковани в октябре 1920 г. докладывал председателю военной комиссии учредительного собрания о том, что солдатам давали непропеченный ячменный хлеб, который был похож на грязь и был совершенно непригоден для еды, из-за чего им пришлось на протяжении последней недели три раза купить хлеб дополнительно. Он также писал, что мясо стоило намного дороже, чем установило военное министерство, и что арендатор за пуд⁹ брал 1 600 рублей, в будущем собираясь поднять цену до 2 200 рублей, в то время как на базаре мясо вообще стоило 3 000 рублей.¹⁰

Ежедневный скудный рацион грузинской армии, упоминал в своих воспоминаниях солдат расположенного в то время в Батуми девятого батальона, впоследствии известный актер Акакий Васадзе: «В шесть утра – зарядка, чай с сахарином и разогретым мчади, испеченным из непросеянной муки в пекарне. Затем – строевые занятия с оружием. В час обед: – фасоль и мчади из непросеянной муки, вечером – опять чай с сахарином».¹¹ То же самое пишет в своих воспоминаниях инженер Иосиф Мамацашвили воевавший в составе грузинской армии в качестве добровольца: – «брусничный чай с сахарином утром и вечером, в обед большей частью лобио (фасоль), вечером каша из кукурузной муки. Хлеба давали полтора фунта на человека».¹²

5 1 фунт равен 453, 59 граммам.

6 Старая единица веса. Равна примерно 4, 25 граммам.

7 ЦИАГ. Ф. 1970. О. 3. Д. 30. Л. 121-122.

8 ЦИАГ. Ф. 1970. О. 3. Д. 30. Л. 29.

9 1 пуд равен 16, 38 килограмма.

10 ЦИАГ. Ф. 1833. О. 1. Д. 363. Л. 108.

11 А. Васадзе, Воспоминания, думы, Тбилиси, 1977, с. 101. (На груз. яз.).

12 И. Мамацашвили, Воспоминания. (Февраль-март 1921 года), Тбилиси, 2014, с. 56. (На груз. и русск. яз.).

На основе полученной им разведывательной информации, почти аналогичными сведениями о ежедневном рационе солдат грузинской армии располагал большевистский военный атташе в Грузинской Демократической Республике.¹³

Параллельно с существующей в государстве инфляцией,¹⁴ цены на продукты питания катастрофически росли. Если с 1 января по 1 марта 1920 г. военное министерство должно было купить 1 пуд хлеба за 200 рублей, 1 пуд кукурузы за 150 рублей и 1 пуд мяса за 360 рублей, то с 1 сентября по 1 октября того же года цена 1 пуда хлеба поднялась до 760 рублей, цена кукурузы — до 700 рублей, а цена мяса — до 1 140 рублей. С 1 ноября до 1 декабря покупная цена на продукты стала еще более катастрофической: — 1 пуд кукурузы — 900 рублей, а цена на мясо и хлеб поднялась до 2 000 рублей.¹⁵ Вдобавок к этому, реальная цена продуктов превышала цену, установленную военным министерством. Продуктовый кризис был настолько острым, что исходя из сложившейся ситуации, военный совет 5 апреля 1920 г. позволил командирам частей армии с учетом местных условий временно выращивать продукты в огородах, где работали бы добровольцы, или, в крайнем случае, солдаты.¹⁶ Казармы не были благоустроены, что становилось причиной заболеваний солдат. Член учредительного собрания Петр Гелеишвили 26 октября 1920 г. докладывал председателю правительства Н. Жордания о том, что расположенные в Батуми части армии находятся в большом затруднении. Военнослужащие живут в казармах без дверей и окон, в зданиях нет ни нар, ни кроватей, а солдаты лежат прямо на полу на соломе. Живущие в таких условиях, плохо одетые солдаты болели лихорадкой, и редко можно было встретить солдата с человеческим цветом лица.¹⁷ В ещё более тяжелых условиях находились солдаты, расположенные на территории Батумской области. У солдат, находившихся на постах, не было укрытий, и они всю ночь проводили под открытым небом. Из-за холода часто солдаты ломали заборы местного населения и зажигали костры для обогрева. По этой причине бывали и случаи поджога домов.¹⁸ Не только на пограничных постах, но и в столице было сложно обогреть казармы. Например, пост казармы арсенала обогревался одной железной печью. Этого никак не могло хватить на обогрев, если учесть, что

¹³ ЦИАГ. Ф. 1874. О. 1. Д. 5. Л.12-13.

¹⁴ В январе 1920 г. 1 британский фунт-стерлинг стоил 890 рублей, в апреле — 1042 рубля, в июне — 1 524 рубля, в октябре — 4 400 рублей, в декабре — 18 000 рублей. В январе 1921 г. фунт-стерлинг подешевел и стоил 11 000 рублей. См.: Н. Джавахишвили, Бонны Грузинской Демократической Республики (1919-1921), Тбилиси, 1998, с. 46, 52. (На груз. яз.).

¹⁵ ЦИАГ. Ф. 1970. О. 3. Д. 30. Л. 28, 95, 127.

¹⁶ ЦИАГ. Ф. 2037. О. 1. Д. 71. Л. 2.

¹⁷ ЦИАГ. Ф. 1969. О. 2. Д. 56. Л. 153.

¹⁸ ЦИАГ. Ф. 1969. О. 2. Д. 56. Л. 153.

в день солдатам давали всего три полена.¹⁹ Большую проблему создавала нехватка транспорта и плохое состояние дорог, что затрудняло своевременную доставку частям продуктов и других необходимых материалов. Это являлось одной из главных причин существующего в армии дезертирства.²⁰ По информации Генштаба, к 14 декабря 1920 г. штат конского состава регулярной армии сократился по трём категориям (первая категория: – гужевая, вторая категория: – горно-артиллерийская и третья категория: – посадочной и упряжной артиллерии) в целом на 1 148 лошадей. (Полностью, по разработанному и утвержденному в 1919 г. плану, в армии должно было быть 2 402 лошадей разного назначения). Цена коней второй и третьей категории после мая 1920 г. выросла с 25 000–30 000 рублей до 65 000–75 000 рублей. Изменение цен, по данным Генштаба, было вызвано существующей в Грузии малочисленностью коней и закрытием северных дорог. В связи с этим, Генштаб считал возможным замену коней второй и третьей категории на буйолов и волов, требуя для этого 28 300 000 рублей.²¹ Небезынтересно отметить, что народная гвардия использовала для перевозок таких экзотических животных, как верблюды.²²

Материальное положение офицеров было также тяжелым. Типичный пример положения офицеров описан в письме капитана Дзимистаришвили, посланного в военное министерство. Офицер пишет, что уже год находится на службе республики, но не имеет постоянного места жительства. Он несколько месяцев живет в квартире, которую оставил ему родственник: «Сегодня он приехал из деревни и привез с собой 12-летнего сына, и я остался без крова». Кроме того, офицер должен был содержать пожилую мать и больную сестру, которую должен был привезти на лечение в Тбилиси. Зарплата офицера составляла 6 000 рублей,²³ в то время как для того, чтобы снять квартиру, необходимо 100 000 рублей.

Разумеется, правительству Грузии было хорошо известно о тяжелом материальном положении, существующем в вооруженных силах. Министр иностранных дел и член учредительного собрания социал-демократ Акакий Чхенкели доложил военной комиссии учредительного собрания: на перевале Яласунчам²⁴ стоит пост 9-го аспиндзского батальона. На его примере

¹⁹ ЦИАГ. Ф. 1969. О. 2. Д. 69. Л. 88.

²⁰ Дм. Силакадзе, Проблема дезертирства в регулярной армии Первой Грузинской Демократической Республики (1918–1921 гг.), Труды института истории Грузии, т. II, Тбилиси, 2011, с. 388. (На груз. яз.).

²¹ ЦИАГ. Ф. 1969. О. 2. Д. 158. Л. 69.

²² ЦИАГ. Ф. 1970. О. 3. Д. 29. Л. 136.

²³ ЦИАГ. Ф. 1969. О. 2. Д. 53. Л. 39–40.

²⁴ Перевал находится на Арсианском хребте (по-турецки Yalnizcam Dagları), в Артвинской провинции на территории современной Турции, на уровне 2 657 метров над уровнем моря.

можно убедиться в выносливости и силе духа грузинского солдата. Одень и накорми его, и наверно, его не одолеет ни один противник.²⁵

Интересно то, как финансировалась армия из бюджета. В 1918-1919 гг. расходная часть бюджета составила 663 508 169 рубля. Из этой суммы военному министерству было передано 201 021 373 рубля, то есть 30, 29 % всей суммы.²⁶ На протяжении 1919-1920 бюджетного года (с 1 июня по 1 июня) запланированный расход государственного бюджета составил 1 960 490 798 рубля. Из этой суммы Военному министерству полагалось 538 791 632 рубля, отсюда регулярной армии – 379 176 786 рублей и гвардии – 159 614 846 рублей.²⁷ Реально же расход бюджета из-за инфляции, постоянного военного положения и создания новых штатных единиц в государственных учреждениях, намного превысил запланированную сумму и составил 3 252 813 000 рублей. Из этой суммы на нужды военного министерства было использовано 1 196 511 000 рублей, то есть 36, 56 % полной суммы.²⁸

В 1920-1921 гг. расход бюджета был запланирован в размере 8 552 414 700 рублей, отсюда сумма полагающаяся Военному министерству составляла 1 862 279 000 рублей (регулярной армии – 1 443 880 400 рублей, народной гвардии – 419 089 000 рублей), то есть 21,7 %.²⁹ Процентное сокращение финансов Военного министерства было обусловлено созданием нового Министерства поставок, которому передали 30,1 % всего бюджета: – 2 579 414 700 рублей. Но почти третью часть этой суммы Министерство поставок использовало опять-таки на нужды обороны.³⁰ Военное положение, существующее в государстве, постоянная мобилизация и демобилизация, высокие показатели инфляции вынуждали правительство выделять всё большие суммы на нужды обороны. 15 июня 1920 г. Учредительное собрание приняло декрет о выдаче фонду обороны дополнительных 400 миллионов рублей.³¹ В августе того же года Учредительным собранием было вновь выделено фонду обороны 400 миллионов рублей,³² а 12 ноября, – 2 миллиарда рублей.³³ В начале 1921 г. фонду обо-

²⁵ ЦИАГ. Ф. 1836. О. 1. Д. 193. Л. 663.

²⁶ К. Канделаки, Национальная экономика Грузии, книга II. Независимая Грузия и её экономическое положение, Париж, 1960, с. 170-171. (На груз. яз).

²⁷ ЦИАГ. Ф. 1891. О. 1. Д. 491. Л. 9, 12-13.

²⁸ К. Канделаки, Национальная экономика Грузии, книга II. Независимая Грузия и её экономическое положение, с. 174, 180. Здесь же надо отметить, что в 1919-1920 гг. реальный бюджетный доход составил 771 059 121 рубля, то есть государство в упомянутые годы потратило почти в два раза больше своего бюджета на финансирование Военного министерства. См. Там же, с. 178.

²⁹ Там же, с. 177-178.

³⁰ Там же, с. 178-180.

³¹ Учредительное собрание Грузии. Стенографический отчет, заседание 15 июня 1920 года, с. 17-18.

роны передали 3 миллиарда рублей.³⁴ Таким образом, из приведенных нами статистических показателей явствует, что на нужды военного министерства государство расходовало почти третью часть бюджетных средств, что являлось очень высоким показателем. В то же время, этот факт ясно отображает тяжелейшее материальное положение государства, так как даже третьей частью своего бюджета Грузия не могла обеспечить нормальное функционирование своих вооруженных сил, из-за существующего в стране постоянного военного положения и высоких темпов инфляции. Наряду с этим в стране существовал Комитет/фонд помощи фронту, где собирались пожертвования для солдат. Пожертвования делали товарищества, политики, генералы и простые граждане. Материальные средства для фронта собирались на различных вечерах, свадьбах, крестинах и так далее. Например, 25 декабря 1920 г. в кафе «Армази» был устроен вечер – «Рождественская елка для фронта», на котором присутствовала политическая элита страны, а также представители иностранных миссий. В Комитет помощи фронту поступила большая сумма. Особенно проявил себя председатель правления товарищества «Мцкемси» («Пастух») Шалва Карумидзе. Он передал комитету овечью шерсть стоимостью в 1 миллион рублей.³⁵ 16 января 1921 г. в церкви Кашвети крестили Вахтанга Бурдули. Всю сумму, собранную на крестинах, в количестве 14 750 рублей, настоятель церкви Калистрат Цинцадзе (впоследствии патриарх Грузии) пожертвовал фонду.³⁶ В семье некоего Аквсентия Джангваладзе, на праздновании дня Святой Нино гости собрали 80 450 рублей, послав их в Фонд помощи фронту.³⁷ Такими примерами были переполнены страницы прессы того времени. Символичным является и тот факт, что фонду передавали свои личные вещи представители военно-политического руководства страны, а также представители оппозиционных партий и известные представители общества. Например, председатель правительства Ной Жордания передал в Фонд помощи фронту серебряную ложку, заместитель председателя учредительного собрания Еквтиме Такашвили – две серебряные солонки и одну серебряную ложку, министр внутренних

³² Там же, заседание 4 августа 1920 года, с. 3-4.

³³ Там же, заседание 12 ноября 1920 года, с. 21-22. Хотя на покрытие расходов мобилизации, военные просили у правительства 2 800 000 000 рублей. См.: ЦИАГ. Ф. 1861. О. 3. Д. 20. Л. 349. В начале декабря военные увеличили запрашиваемую сумму до 4 280 000 000 рублей, чтобы одеть, накормить и обуть 60 000 человек в течение 61 дня, хотя у Учредительного собрания было выделено всего 2 миллиарда рублей. См.: ЦИАГ. Ф. 1969. О. 2. Д. 160. Л. 32-34. В начале января 1921 г. ещё 3 миллиарда было отложено на нужды обороны.

³⁴ ЦИАГ. Ф. 1938. О. 1. Д. 840. Л. 1-2.

³⁵ 1028 дней независимости. Ежедневная хроника Первой Грузинской Республики (1918 - 1921), Тбилиси, 2013, с. 392. (На груз. яз.).

³⁶ Эртоба, Тифлис, №13, 19. 1. 1921. С. 3. (На груз. яз.).

³⁷ Эртоба, Тифлис, № 22, 30. 1. 1921. С. 4. (На груз. яз.).

дел Ной Рамишвили – серебряную ложку, министр иностранных дел Акакий Чхенкели – золотое кольцо с камнем, председатель национал-демократической партии Спиридон Кедия – золотой медальон, один из руководителей социалист-федералистской партии Георгий Ласхишвили – серебряную солонку, начальник штаба народной гвардии Валерьян Джугели – 20 золотых франков, находящийся в то время в запасе, а с 16 февраля 1921 г. главнокомандующий Грузинской Армии генерал Георгий Квинитадзе – три немецкие серебряные марки, начальник Генерального штаба генерал Александр Захариадзе – один золотой орден Владимира и закрепляющийся на сабле маленький Георгиевский крест.

К этой акции подключился один из лидеров II Интернационала Карл Каутский. Вместе с супругой он пожертвовал фонду золотую цепь и серебряный кошелек.³⁸ Впрочем, бывали случаи, когда для сбора пожертвований, члены Фонда помощи фронту прибегали и к моральным способам воздействия. 13 декабря 1920 г. на заседании фонда было отмечено, что пожертвования поступают хорошо, но бывают случаи, когда от вноса пожертвований отказывались, в том числе, и вполне обеспеченные лица. Фонд решил обнародовать список этих лиц, опубликовав информацию об этом в газете «Сакартвелос республика» («Республика Грузия»)³⁹

Несмотря на эти попытки исправить положение, приближающуюся войну грузинская армия встретила с большими проблемами в материальном обеспечении. Начальник хозяйственной части К. Гогуа за полтора месяца до начала войны в личном письме другу писал: «То, какую нужду испытывает наша армия, я знаю, мой Гриша, но что поделать... [...] скажу лишь то, что в общих существующих условиях, совершенно невозможно лучше организовать дело. Если бы я не был в этом уверен, или если бы появился кто-нибудь другой, кто организовал бы дела лучше, клянусь, не остался бы ни на минуту на этой должности. У меня большие неприятности со всех сторон, вдобавок душевные мучения, что армия не обустроена и не ухожена подобающим образом».⁴⁰ К. Гогуа и вправду старался принести пользу грузинской армии, но он не был профессиональным военным хозяйственником (по современному понятию – офицером логистики), а его назначение на эту должность произошло по политическим соображениям (членством в социал-демократической партии), что, естественно, не могло не иметь свои отрицательные последствия.

³⁸ Эртоба, Тифлис, № 22, 30. 1. 1921. С. 3. (На груз. яз.).

³⁹ 1028 дней независимости. Ежедневная хроника Первой Грузинской Республики (1918 - 1921), с. 385.

⁴⁰ ЦИАГ. Ф. 1872. О. 1. Д. 8. Л. 54-55.

Ко всему этому добавлялась спекуляция со стороны офицеров и чиновников. Военный аташе советской России в Грузинской Демократической Республике Павел Ситин в подробном отчете о грузинской армии пишет, что большая часть офицеров была вовлечена в спекуляцию. В качестве примера он приводит данные о помощнике военного министра, генерале Александре Гедеванишвили. Офицеры Генштаба уверяли, что Гедеванишвили ежедневно проигрывал в клубах 100 – 200 тысяч рублей, но пока у него были оправдательные документы.⁴¹ О том, что в грузинских вооруженных силах подобные проблемы действительно существовали, подтверждают и другие документы. Например, штабс-капитан Гогоришвили писал члену учредительного собрания Леонтию Жгенти о том, как будучи командиром пулеметной сотни первого батальона, он стал лично свидетелем факта растраты государственного имущества командиром батальона полковником Микаберидзе, продавшим государственный фургон за 1500 рублей. Когда же капитан Гогоришвили попросил у командира батальона 16 пудов ячменя, то он получил только 6, хотя его и заставили подписаться под получением всех 16 пудов. Оставшиеся 10 пудов командир батальона послал своему знакомому врачу Никурадзе. Затем этот ячмень посеяли, а урожай разделили. Кроме того, тот же Микаберидзе из посланных государством для пропитания батальона коров присвоил двух, используя для личных интересов имущество батальона – фурунги и коней.⁴² Были случаи, когда солдаты и гвардейцы безалаберно относились с государственным имуществом, превращая его в предмет торговли. Например, выменивали у населения новое обмундирование на старое. Получая за это деньги они надеялись, что начальство не оставит их долго в порванной одежде и выдаст новую. В приказе № 179 от 22 декабря 1920 г. военный министр писал, что небольшая часть солдат особенно бессердечно относится к государственному имуществу, меняя новую одежду на старую. Министр обратился к командирам воинских частей с призывом, обратить внимание на эту проблему и отдать под суд солдат, замеченных в совершении этого проступка.⁴³ 27 июля 1920 г. на заседании главного штаба народной гвардии, член штаба Александр Дгебуадзе говорил, что сколько бы одежды не выдавали гвардейцам, они снова просили новую, несмотря на то, что хорошо знали, что выдача одежды происходила по узаконенным нормам.⁴⁴

К началу войны проблема одежды была более или менее решена. Доброволец Йосиф Мамацашвили в связи с этим писал: «Если что-то и было хо-

41 ЦИАГ. Ф. 1874. О. 1. Д. 5. Л. 13. Речь идет о помощнике/заместителе военного министра генерале Александре Гедеванишвили.

42 ЦИАГ. Ф. 1833. О. 1. Д. 361. Л. 377-378.

43 ЦИАГ. Ф. 1836. О. 1. Д. 193. Л. 251.

44 ЦИАГ. Ф. 1970. О. 3. Д. 26. Л. 80.

рошо организованно в нашей армии, так это обмундирование. Несмотря на неожиданную всеобщую мобилизацию, все были одеты и обуты, имели смену (запасную) белья, валенки. Народная гвардия была снабжена еще лучше». ⁴⁵ В связи с этим следует отметить, что с этой точки зрения, ещё более тяжелое положение было в русской красной армии. После оставления грузинскими войсками Тифлиса, глядя на тряпье вошедших в город красноармейцев, население говорило: «неужели нас победили эти голодранцы?» ⁴⁶

В мемуарной литературе распространено мнение, что на складах грузинской армии было достаточное количество обмундирования и продуктов, однако военное министерство не использовало все это должным образом. Генерал Мазниашвили писал: «Уже в мае 1921 г. я смог одеть с ног до головы, одеждой оставшейся на наших складах, грузинскую красную армию, состоящую из 17 000 человек. И это не всё. Советское правительство Грузии со дня своего входа в Тифлис в течение двух недель бесплатно кормило всех жителей города со складов министерства». По словам Мазниашвили «Калистрат Гогуа говорил, что старался сохранить это имущество, чтобы его хватило надолго». ⁴⁷ Слова генерала частично подтверждают материалы, обнаруженные историком Н. Вапакмадзе в Кутаисском центральном историческом архиве.

На основе этих источников установлено, что на складах Кутаисского уездного комиссариата после окончания войны оставалось небольшое количество провианта и переданные для пошива сотни пар брюк, рубашек и белья. Большевикские органы власти пользовались этими запасами. ⁴⁸ В этом нет ничего удивительного, так как пошив одежды для солдат был постоянным процессом и осуществлялся как для замены старой одежды военнослужащих, так и для пошива новой для новобранцев. Наряду с этим, в документах партархива, ныне переданного в состав архива министерства внутренних дел, нами найдены еженедельные секретные отчеты и ежемесячные бюллетени грузинской ЧК с 25 февраля по конец августа 1921 г. ЧК посылала эти документы разным государственным и военным отделам. В отчетах, наряду с другими важными сведениями описаны также условия, существующие как непосредственно в русской оккупационной красной армии, так и в недавно сформированной грузинской красной армии. Выясняется, что на протяжении всего этого времени обе армии испытывали большую нехватку провианта и обмундирования. В то

⁴⁵ И. Мамацашвили, Воспоминания (февраль-июль 1921 года), с. 57.

⁴⁶ Н. Чумбуридзе, Из жизни советской Грузии (Картины шестимесячного господства большевиков), Тбилиси, 2013, с. 20. (На груз. яз.); И. Мамацашвили, Воспоминания (февраль-июль 1921 года), с. 68

⁴⁷ Г. Мазниашвили, Воспоминания, Тбилиси, 1927, с. 169-170. (На груз. яз.).

⁴⁸ Н. Вапакмадзе, Несколько документов о русско-грузинской войне в феврале-марте 1921 года. Интеллект, Тбилиси, 2010, №3 (38), с. 81-82. (На груз. яз.).

же время, одной из главных причин начала реорганизации в июле 1921 г. грузинской красной дивизии, была именно нехватка военного обмундирования.⁴⁹ К июлю 1922 г. личный состав грузинской красной дивизии едва составлял 3 175 человек.⁵⁰ Опираясь на материалы архивов можно сделать вывод, что слова генерала Мазниашвили об огромных запасах обмундирования и провианта, якобы хранящихся на складах грузинской армии, явно преувеличены. Напротив, сформированная после оккупации страны грузинская красная армия сама испытывала огромную нехватку обмундирования, что и стало одной из причин сокращения ее личного состава. В то же время, реальное количество личного состава грузинской красной армии никогда не достигало 17 000 человек, как об этом пишет генерал Мазниашвили.

Что касается питания населения провиантом со складов военного министерства, то это вполне правдоподобно, принимая во внимание то, что определенное количество продовольственных запасов в действительности существовало, что естественно для государства ожидающего начала войны. Часть этих запасов была потрачена в ходе войны, часть же попала в руки большевиков. То, как использовали эти запасы большевики, хорошо описал в своём секретном докладе правительству Грузии в изгнании начальник штаба народной гвардии социал-демократ Николай Чумбуридзе, оставшийся на несколько месяцев в Грузии после оккупации страны. По его словам, с пропагандистской целью большевики открыли склады, приступив к раздаче оставшегося хлеба и сахара в бесплатных столовых, наряду с этим ведя усиленную агитацию против социал-демократов и правительства независимой Грузии.⁵¹ Когда эти запасы иссякли, глазам населения предстал подлинный «большевицкий рай»: – в марте 1921 г. цена на кукурузную муку взлетела до 15 000 рублей, а в августе до 110 000 рублей.⁵²

В целом, как явствует из проведенного исследования, армия Грузии встретила большевицкое вторжение в тяжелом материальном положении. Попытки правительства исправить ситуации, по ряду объективных обстоятельств не дали желаемого результата. Находящейся в экономической блокаде и кризисе стране, где свирепствовала инфляция, а цены менялись почти ежедневно, не помогли даже максимальные издержки, выделенные для нужд обороны. Все это усугублялось непрерывным военным положением, постоянной мобилиза-

⁴⁹ Архив министерства внутренних дел Грузии (АМВДГ). П. Ф. 14. О. 1. Д. 37. Л. 30, 64, 74, 161, 235.

⁵⁰ Э. Купатадзе, История грузинских военных единиц. 1921-1956 гг., Тбилиси, 2011, с. 38. (На груз. яз.).

⁵¹ Н. Чумбуридзе, Из жизни советской Грузии (Картины шестимесячного господства большевиков), с. 25.

⁵² Там же, с. 73.

цией и демобилизацией, спекуляцией и безалаберным отношением к государственному имуществу со стороны части офицеров и солдат, что ещё больше усложняло возможность исправления положения.

Таким образом, одной из причин, почему армия независимой Грузии не смогла оказать вторгнувшейся в страну красной армии соответствующее эффективное сопротивление, а также полностью использовать находящиеся в ее распоряжение резервы, было тяжелое материальное положение, препятствующее проведению полноценной мобилизации и длительному поддержанию военных усилий.

Дмитрий Силакадзе – историк, докторант Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили. Работает по вопросам военной истории Грузинской Демократической Республики (1918-1921).

Sytuacja materialna Armii Gruzińskiej przed wojną z bolszewicką Rosją w 1921 roku

Dimitrij Silakadze

Aby dokonać wyczerpującej analizy gruzińsko-rosyjskiej wojny z 1921 roku konieczne jest zbadanie sytuacji materialnej, w jakiej znajdowała się armia gruzińska przed wojną. Pomimo pełnej entuzjazmu pracy członków rządu i funkcjonariuszy Ministerstwa Obrony oraz pomimo wydatków na wojsko przekraczających 30% budżetu państwa – sytuacja armii pozostawała krytyczna. Powodem był permanentny stan wojny oraz bardzo wysoka inflacja w młodej republice.

Siłom zbrojnym brakowało ubrań, posiłki były ograniczone a baraki, w których mieszkali żołnierze były w bardzo złym stanie. Oficerowie otrzymywali wynagrodzenie poniżej godnego poziomu. Wymienione wyżej problemy uniemożliwiły pełną mobilizację armii w przededniu wybuchu wojny. Gruzja cierpiała z powodu trudności ekonomicznych wywołanych wybuchem rewolucji październikowej i wojny domowej, które miały ogromny wpływ na gospodarki nowych kaukaskich państw.

Material Condition of Georgian Army Prior to 1921 War against Bolshevik Russia

Dmitri Silakadze

For analyzing aftermaths of Russian-Georgian war of 1921 it is essential to make a survey of material conditions of the Georgian army prior to the war. Despite of passionate job of the government and servicemen of the Ministry of Defense and military expenditure exceeding 30 % of the state budget, because of constant war state and the high inflation situation in the army remained critical.

Armed forces lacked clothing, food was very limited, barracks proved to be in a poor condition, officers did not get sufficient wages. Listed problems prior to the war made full scale mobilization of the army impossible. Georgia suffered from severe economic hardships caused by Russian Revolution and the Civil War having an influence over the economics of newly emerged independent states of the Caucasus, hence the great concessions allocated to the army from the state budget still was not of suffice.

